

НАДИН НОЙЗИ

ВОЛШЕБНАЯ
СКАЗКА
ДЛЯ ПОПАДАНКИ

Надин Нойзи

Волшебная сказка для попаданки

«Автор»

2026

Нойзи Н.

Волшебная сказка для попаданки / Н. Нойзи — «Автор», 2026

Я - Алина, продавщица в магазине. Мне тридцать пять, и нет ни мужа, ни детей. Подруг, и тех не имеется. Где же ты, мой принц на белом коне? Что? В другом мире? Я уже бегу туда!

© Нойзи Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Надин Нойзи

Волшебная сказка для попаданки

Глава 1

В тот вечер я снова сидела у подоконника. Кресло у окна было моим любимым местом, особенно в такую погоду. За стеклом, в рыжем свете уличного фонаря, косо летел дождь. Крупные капли тяжело били по карнизу, разбивались и тут же стекали вниз мутными ручейками. Город за окном казался размытой акварелью – огни машин, мокрый асфальт, темные силуэты домов напротив.

Я подтянула колени к подбородку и обхватила их руками. На мне был старый, мягкий свитер, который я купила лет сто назад на распродаже, и шерстяные носки. В квартире было тепло и тихо, только дождь и редкие вздохи ветра нарушали эту тишину.

Меня звали Верхонина Алина Викторовна. Мне было тридцать пять. И в этот момент я чувствовала себя бесконечно маленькой и потерянной в этом большом, равнодушном городе.

Я смотрела на соседний дом, где в окнах зажигался уютный свет. Вон там, на третьем этаже, молодая пара накрывала на стол. Она смеялась, он что-то рассказывал, жестикулируя. В другой квартире женщина гладила кота, который развалился на подушке дивана. У всех была своя жизнь, своя маленькая вселенная, полная тепла.

А у меня – только дождь.

Я вздохнула, провела пальцем по запотевшему стеклу. Родители были далеко, в маленьком поселке за сотни километров отсюда. Мама звонила каждое воскресенье, голос ее всегда звучал встревоженно: «Доченька, как ты там? Кушаешь ли? Одна совсем...» Я бодро отвечала, что все отлично, работа, планы, но, положив трубку, еще острее чувствовала эту тишину.

Подруг, с которыми можно было бы вот так, запросто, поплакаться в жилетку или пойти в кино, не было. Были коллеги по магазину, где я работала продавщицей, но наши отношения ограничивались перекурами на заднем дворе и обсуждением накладных. Работа, дом, сон. И снова работа. Круг замкнулся, и я давно махнула на всё рукой.

«Кому я такая нужна?» – пронеслось в голове привычной, горькой мыслью. Я посмотрела на свое отражение в темном стекле. Расплывчатый силуэт, мягкие черты. Я всегда была «немного в теле», как деликатно говорила мама. Полные руки, крутые бедра, мягкий животик. В юности я комплексовала, пряталась в балахоны, а сейчас... сейчас я думала, как было бы хорошо, если бы было кому прижаться к этому самому животу. Если бы чьи-то сильные руки обняли меня со спины, а в макушку уткнулся бы теплый подбородок.

Мне так хотелось романтики. Глупой, наивной, какой-то нереальной. Чтобы мой мужчина принес мне огромный букет хризантем, потому что я как-то обмолвилась, что люблю их. Чтобы мы пили чай на этой кухне и молчали, глядя на дождь, и это молчание не было бы тягостным. Чтобы он укрывал меня пледом, когда я засыпаю перед телевизором.

Я закрыла глаза и представила его. Не лицо, нет, просто ощущение. Запах дождя и мужского одеколона, смешанный с терпким ароматом кофе. Шероховатость теплой ладони на моей щеке. Голос, низкий и спокойный, который говорит: «Замёрзла? Иди ко мне». В горле встал комочек. Не от жалости к себе, а от этого острого, сладкого и такого нереального желания быть нужной.

Открыв глаза, я снова увидела дождь. Он всё лил и лил, смывая пыль с города, омывая крыши и улицы. И на секунду мне показалось, что он моет и мою душу, смывая ту самую горечь и усталость, которая скопилась за эти годы одиночества.

«Может, еще не всё потеряно?» – робко, как мышка, шевельнулась где-то в груди мысль.

Я улыбнулась своему отражению. Чуть-чуть, одними уголками губ. За окном, в луже под фонарем, закружился в танце одинокий кленовый лист. Я проводила его взглядом и подумала: а ведь завтра будет новый день. И кто знает, что он принесет. Может быть, просто солнце. А может быть, и что-то большее.

Я спустилась с подоконника, налила себе горячий чай с мятой и, завернувшись в плед, устроилась в кресле, слушая, как дождь играет свою бесконечную, успокаивающую мелодию.

Я легла спать в ту ночь с непривычно лёгким сердцем. Дождь всё ещё барабанил по крыше, но теперь его шум убаюкивал, а не навевал тоску. Засыпая, я всё думала о том, что завтрашний день может быть другим. Просто может. С этой мыслью я и провалилась в глубокий, без сновидений, сон.

Проснулась я от странного ощущения. От того, что очень мягко. И очень тихо.

Я никогда не любила резко вскакивать по утрам, но тут я села на постели так резко, что у меня перехватило дыхание. И замерла.

Это была не моя кровать. Это была даже не кровать. Это было ложе. Огромное, шириной, наверное, с мою комнату целиком. Я сидела на горе подушек в белоснежных, пахнущих лавандой наволочках, а надо мной возвышался балдахин из тяжелой парчи цвета слоновой кости с золотыми кистями.

Простыни, в которые я была укутана, оказались тончайшим батистом. Одеяло было таким лёгким и тёплым, словно соткано из облаков. Я ущипнула себя за руку. Больно. Значит, не сон.

Я осторожно свесила ноги с края этой постели и не достала до пола. Пришлось сползать, как маленькой. Пол под ногами оказался мраморным, но тёплым – видимо, с подогревом. Я стояла босиком посреди невероятной комнаты и хлопала глазами.

Комната была огромной. Высоченные окна, зашторенные тяжёлым бархатом, камин, в котором уютно потрескивал огонь, хотя на улице, судя по серому свету из-за штор, было утро. Стены были обиты шёлком нежного фисташкового цвета. На полу лежали пушистые ковры, в которых тонули ноги. Мебель... я такую только в кино видела. Резные тумбочки с инкрустацией, золочёные ножки кресел, огромное трюмо в полный рост в тяжёлой раме.

Я подошла к нему, как заворожённая. Из зеркала на меня смотрела я. Моё лицо, мои волосы, мой свитер и шерстяные носки. Я дико, нелепо смотрелась в этом царском убранстве, как воробей, залетевший в тронный зал.

Внезапно за моей спиной скрипнула дверь. Я вздрогнула и резко обернулась. В дверях стояли две девушки в одинаковых длинных серых платьях и белых передниках. При виде меня они тут же присели в глубоком реверансе, низко склонив головы.

– Доброго утра, госпожа, – сказали они почти хором. – Как изволили почивать?

Я открыла рот и закрыла рот. Потом открыла снова. Звука не вышло.

– Э-э-э... что? – выдавила я наконец осипшим со сна голосом. – Простите, вы ко мне?

Девушки переглянулись, но тут же снова устались в пол.

– Госпожа изволит шутить? – с улыбкой спросила та, что была чуть постарше. – Прикажете подавать завтрак в будуар или спуститесь в малую столовую?

Я схватилась за голову. Будуар? Малая столовая? Я лихорадочно оглядела комнату в поисках спрятанных камер. Это какой-то розыгрыш? Передача? «Скрытая камера»? Я даже задрала голову к потолку, ища объективы. Потолок был расписан фресками с пухлыми ангелами.

– Послушайте, – я шагнула к ним, и они синхронно отступили на шаг, не поднимая глаз. – Я не понимаю. Где я? И почему вы меня так называете?

Девушка помладше испуганно посмотрела на старшую. Старшая, сохраняя почтительную улыбку, ответила:

– Вы в своих покоях, госпожа. В замке. Вы... вы наша госпожа. Мы ваши служанки. Меня зовут Линда, это Мила. Мы к вашим услугам.

Я почувствовала, что у меня начинают подгибаться колени. Замок? Служанки? Госпожа? Я вчера заснула под дождь в своей однушке с видом на панельную девятиэтажку, а проснулась в какой-то сказке. Или в психушке.

– Я хочу пить, – сказала я первое, что пришло в голову. Просто чтобы что-то сказать.

Обе служанки встрепенулись, словно я попросила ядерную ракету запустить, и бросились к маленькому столику у камина. Через секунду передо мной уже стоял серебряный поднос с хрустальным графином, из которого лился тонкий, цветочный аромат. Линда налила прозрачную жидкость в такой же хрустальный бокал на тонкой ножке и протянула мне двумя руками, как величайшую драгоценность.

Я взяла бокал. Мои пальцы дрожали. Я сделала глоток. Это была вода. Просто вода, но невероятно вкусная, холодная, с лёгким привкусом розы.

– Спасибо, – растерянно сказала я.

Линда и Мила снова поклонились, и этот их поклон почему-то испугал меня ещё больше. Я была никем. Продавщицей из захолустного магазина. Толстушкой в старом свитере. А эти девочки смотрели на меня с таким благоговением, будто я была королевой.

Я перевела взгляд на огромное трюмо и снова увидела своё отражение. Растрёпанные волосы, круглые от удивления глаза, дурацкий свитер с катышками на рукавах. Госпожа.

– Это какой-то сон, – прошептала я. – Самый странный сон в моей жизни.

– Госпожа желает одеться к завтраку? – деликатно спросила Мила, кивая на огромный платяной шкаф, занимавший половину стены.

Я обвела взглядом комнату: мрамор, шёлк, золото, парча, хрусталь, почтительный шёпот служанок. Потом посмотрела на свои ноги в шерстяных носках, стоящие на ковре, который стоил, наверное, как моя годовая зарплата.

– Да, – выдохнула я, чувствуя, что если не начну действовать, то просто сойду с ума. – Да, наверное, стоит одеться.

И, сделав первый шаг по этому скользкому мрамору в сторону шкафа, я мысленно приказала себе не паниковать. Хотя бы пока.

Глава 2

Меня одевали, как куклу. Я стояла посреди роскошной спальни, растопырив руки, и боялась пошевелиться. Линда и Мила действовали слаженно и быстро, словно всю жизнь только этим и занимались. Они сняли с меня мой старый свитер с таким почтением, будто это была мантия королевы, и я даже почувствовала укол стыда за катышки на рукавах.

– Какая чудесная ткань, – прошептала Мила, бережно складывая свитер. – Должно быть, из дальней страны?

Я промолчала. Не говорить же ей, что я купила его в «Твоём доме» за восемьсот рублей на распродаже прошлогодней коллекции.

В шкафу оказалось всё, что только можно вообразить. Шёлк, бархат, тончайшее кружево, шерсть, которая была мягче облака. Служанки выбирали вещи быстро, но с каким-то священным трепетом, перешёптываясь и держа платья на вытянутых руках, чтобы я могла оценить.

На меня надели сначала тонкую сорочку из кремового шёлка, которая скользнула по телу, как прохладная вода. Затем – длинное платье цвета чайной розы, с высокой талией и широкой юбкой, которая мягко струилась при каждом движении. Лиф был расшит мелкими жемчужинами, а рукава-фонарики спускались к запястьям, где заканчивались узкими манжетами.

– Госпожа прекрасна, – выдохнула Линда, застёгивая на моей шее тонкую нитку жемчуга.

Я повернулась к зеркалу и не узнала себя. Мои полные плечи, которые я всегда стеснялась показывать, выглядели в этом платье благородно и мягко. Пышная грудь была уютно укрыта кружевной вставкой. Талия, обозначенная лёгким поясом, не казалась толстой – она была... статной. Я впервые в жизни поймала себя на мысли, что моё тело выглядит в этой одежде не недостатком, а достоинством. Будто платье шили специально под меня, под каждый изгиб и округлость.

– Вы как королева из сказки, – прошептала Мила, поправляя мои волосы, которые служанки ловко уложили в высокую причёску с несколькими свободными локонами.

Я не знала, что сказать. Обычно я избегала своего отражения в примерочных магазина, где вечно что-то висело не так, тянуло, давило или топорщилось. А тут я смотрела на себя и не могла наглядеться.

– Госпожа готова? – спросила Линда.

Я кивнула, всё ещё не веря своему отражению.

Они вывели меня из спальни в коридор, и я замерла. Это был не коридор – это была галерея. Высокие стрельчатые окна выходили в парк, который я мельком увидела сквозь утреннюю дымку. Стены украшали гобелены с охотничьими сценами, пол был выложен мраморной плиткой с затейливым узором. Наше шествие сопровождало эхо – мои мягкие туфельки почти не издавали звука, но шаги служанок за моей спиной отбивали чёткий, торжественный ритм.

По пути нам встречались другие слуги. Все они, завидев меня, тут же прижимались к стенам, склоняли головы и замирали, пока я не проходила. Я чувствовала себя самозванкой. Мне хотелось сказать им: «Вы ошиблись, я не та, я продавщица из магазина "Домашний уют", я умею только пробивать чеки и раскладывать крупы по полкам». Но язык не поворачивался. Я просто шла, стараясь держать спину прямо и смотреть перед собой, как мне казалось, должна вести себя настоящая госпожа.

Малая столовая оказалась меньше только по сравнению с бальным залом, в который я, наверное, даже не заглядывала. Это была изящная комната с овальным столом из тёмного дерева, накрытым на одну персону. Серебряные приборы лежали на белоснежной скатерти, хрустальные бокалы переливались в свете утреннего солнца, пробивавшегося сквозь кружевные занавески. В вазе посередине стола стояли живые пионы – розовые, махровые, такие пышные, что казались почти невесомыми.

Слуга в ливрее отодвинул для меня стул. Я села, и меня тут же окружили. Кто-то поправил салфетку у меня на коленях, кто-то налил в бокал воды, кто-то почтительно замер у стены с серебряным чайником в руках.

– Госпожа желает какао или чай? – спросил мужской голос.

Я подняла глаза. Передо мной стоял немолодой дворецкий в безупречном фраке, с седыми висками и цепким, но почтительным взглядом.

– Чай, пожалуйста, – сказала я, и мой голос показался мне чужим – тихим и робким в этом великолепии.

– Какой именно? – уточнил он, и двое слуг тут же поднесли ко мне шкатулки с маленькими баночками. – У нас есть цейлонский, индийский, китайский белый, а также травяные сборы из собственной оранжереи.

Я растерянно моргнула. Дома у меня была пачка «Принцессы Нури» в жестяной коробке и заварник с трещинкой на носике.

– Белый, – наугад сказала я.

Дворецкий едва заметно кивнул, и вокруг меня началось движение. Серебряный чайник, тончайшие чашки с позолотой, молочник в виде маленького кувшинчика, вазочка с мёдом и тарелка с тончайшими ломтиками лимона. Всё это появлялось на столе бесшумно и быстро, словно по волшебству.

Потом передо мной поставили блюда. Небольшие, изящные, каждое было произведением искусства. Тарталетки с нежным кремом и ягодами, маленькие сэндвичи с огурцом и семгой, круассаны, от которых исходил пар, фруктовый салат в хрустальной вазе и что-то, напоминающее суфле в крошечной керамической формочке.

Я смотрела на это изобилие и чувствовала, как у меня кружится голова. Не от голода – от нереальности происходящего. Ещё вчера я ела гречку с котлетой, стоя у плиты, и смотрела на дождь за окном. А сегодня сижу в платье с жемчугами, в окружении почтительной прислуги, и меня спрашивают, какой чай я предпочитаю.

Я осторожно отломил круассан. Он оказался тёплым, маслянистым, хрустящим, и во рту таял так, что я едва сдержала стон удовольствия.

– Всё в порядке, госпожа? – тут же спросила Мила, стоявшая чуть поодаль.

– Да, – ответила я, прожевав. – Да, всё... очень вкусно.

Я подняла глаза и обвела взглядом столовую: лепнина на потолке, тяжёлые портьеры, мерцание серебра, склонённые головы слуг. В окне виднелся парк с подстриженными кустами и фонтан, который переливался на солнце. Всё это было слишком прекрасным, слишком правильным, слишком сказочным.

«Это розыгрыш, – снова подумала я, отпивая белый чай, который пах цветами и мёдом. – Кто-то где-то спрятал камеры и снимает мою реакцию. Скоро выйдет ведущий и скажет: „Вы в шоке? Это скрытая камера!“»

Я даже оглянулась на люстру, ища там объектив. Ничего не было.

– Госпожа кого-то ищет? – встревожился дворецкий.

– Нет, – быстро сказала я. – Мне показалось... ничего.

Я доела круассан, попробовала тарталетку с кремом – она была похожа на облако со вкусом ванили. Всё это было невероятно вкусным, но есть спокойно я не могла. Сердце колотилось где-то в горле, а голова шла кругом от мыслей.

Я поставила чашку на блюдце, и оно звякнуло – чуть громче, чем следовало. Слуги замерли.

– Скажите, – я посмотрела на дворецкого, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, хотя внутри всё дрожало, – а где... где хозяин этого дома? Глава семьи?

Дворецкий чуть склонил голову, и мне показалось, что в его глазах мелькнуло удивление.

– Господин уже несколько лет как почил, – ответил он ровным, почтительным голосом. – Вы – наша единственная госпожа. Этот замок, все земли и люди в нём – ваши. Как и прежде.

Я сглотнула. Мои? Замок? Земли? Люди?

– А как... как меня зовут? – спросила я шёпотом, хотя вопрос был безумным.

На этот раз дворецкий позволил себе улыбнуться – едва заметно, одними уголками губ.

– Вы – госпожа Амелия, – сказал он. – Наследница рода Эшвуд. Вы вчера вернулись из долгого путешествия и были очень утомлены. Мы рады, что вы почтили нас своим присутствием к завтраку.

Я опустила взгляд в чашку, где на дне осталось немного золотистого чая. Амелия. Эшвуд. Замок. Слуги. Всё это звучало как название романа, которые я иногда брала в библиотеке, когда хотелось сбежать от реальности.

Но сейчас я была внутри этого романа. И не понимала, как из него выбраться.

А может быть, и не хотела.

Глава 3

Я поднялась к себе после завтрака, чувствуя себя тяжеловесным кораблём, который случайно зашёл не в ту гавань. Ноги в мягких туфельках бесшумно ступали по мраморным плитам, но мне казалось, что каждый мой шаг отдаётся гулким эхом во всём замке. Линда и Мила следовали за мной по пятам, и от их молчаливого присутствия мне становилось одновременно спокойнее и тревожнее.

В спальне я отослала их, сказав, что хочу немного отдохнуть после завтрака. Они поклонились и исчезли за тяжёлой дверью, оставив меня одну в этой огромной, пахнущей лилиями комнате.

Я подошла к окну. Вид открывался на парк – идеально подстриженные кусты роз, усыпанные бутонами, мраморные статуи, застывшие в задумчивых позах, и фонтан, чья вода сверкала на солнце, как россыпь бриллиантов. Всё это было до боли красивым и до боли чужим.

Я провела пальцами по стеклу и прошептала:

– Где я?

Ответа не было. Только стрекот цикад в парке да далёкий смех слуг, которые о чём-то переговаривались внизу.

Я отошла от окна и принялась расхаживать по комнате, пытаюсь собрать мысли в кучу. Вчера я была собой – продавщицей, тридцатипятилетней женщиной, которая поставила крест на личной жизни. Сегодня я – Амелия, наследница рода Эшвуд, госпожа замка, который, кажется, принадлежит мне. И я не понимала, как это могло случиться. Сон? Безумие? Или...

Я не успела додумать. Дверь тихо скрипнула, и на пороге появилась Мила. Её лицо было румяным, глаза сияли, и она едва сдерживала улыбку.

– Госпожа, – выдохнула она, делая реверанс. – Прибыл лорд Ричард Эстарский. Он ждёт вас внизу.

Я замерла, не дойдя до кровати пары шагов.

– Кто? – переспросила я, чувствуя, как сердце пропускает удар.

Мила подняла на меня удивлённые глаза, но тут же опустила взгляд.

– Лорд Ричард, госпожа. Ваш жених. Он приезжал каждую неделю всё то время, пока вы путешествовали. Сегодня он приехал, едва услышал, что вы вернулись.

Мои колени стали ватными. Жених. У меня – жених. Я схватилась за спинку кресла, чтобы не упасть.

– Хорошо, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Скажи ему... скажи, что я сейчас спущусь. И... Мила.

– Да, госпожа?

– Я неважно себя чувствую после дороги. Если я скажу что-то странное – не удивляйся.

Мила кивнула, хотя по её лицу было видно, что она ничего не поняла. Она вышла, а я осталась стоять посреди спальни, глядя на своё отражение в зеркале. Платье цвета чайной розы, жемчуг на шее, высокая причёска. Я выглядела как невеста.

«Это розыгрыш, – в сотый раз сказала я себе. – Сейчас я спущусь, и там будет толпа с камерами. Или я сошла с ума. Или...»

Я не знала, что хуже.

Я выпрямила спину, поправила локон, выбившийся из причёски, и вышла из спальни.

Внизу меня ждал дворецкий. Он проводил меня до гостиной – ещё одной комнаты, которая могла бы стать музеем, с лепниной на потолке, картинами в золочёных рамах и большими французскими окнами, выходившими в парк.

Лорд стоял у камина, спиной ко мне, и рассматривал картину на стене. Когда я вошла, он обернулся.

Я забыла, как дышать.

Лорд Ричард Эстарский был молод. На вид – ровесник мой, тридцать пять, может, чуть больше. Высокий, стройный, с широкими плечами, которые обтягивал тёмно-синий сюртук с серебряным шитьём. Тёмные волосы были аккуратно уложены, но одна непослушная прядь падала на лоб, придавая его лицу мальчишеское озорство. Глаза – серые, чистые, с лучиками морщинок в уголках, словно он часто улыбался. Красивое, благородное лицо с чёткими скулами и мягкой линией губ.

Он улыбнулся, увидев меня, и от этой улыбки у меня внутри всё перевернулось.

– Амелия, – произнёс он низким, тёплым голосом и сделал шаг мне навстречу.

Он протянул руки, словно хотел обнять меня, но я инстинктивно отступила на шаг. Его руки опустились, а в глазах мелькнуло недоумение, быстро сменившееся беспокойством.

– Что случилось? – спросил он. – Ты бледна. Дорога была тяжёлой?

Я стояла перед ним, чувствуя, как дрожат пальцы. Он был таким... настоящим. Живым. Красивым. И смотрел на меня так, будто я была центром его вселенной.

– Лорд Ричард, – начала я, и мой голос прозвучал хрипло. – Простите... я должна вам кое-что сказать.

Он нахмурился, но не перебил.

– Я... – я замялась, подбирая слова. – Со мной случилось несчастье во время путешествия. Я упала и ударилась головой. Когда я очнулась сегодня утром, я... я не помню некоторых вещей. Многого не помню.

Его лицо изменилось. Он сделал шаг вперёд, и на этот раз я не отступила.

– Ты не помнишь? – переспросил он тихо. – Совсем?

– Я помню своё имя. Помню, что я Амелия. Но всё остальное... – я развела руками, показывая на замок, на него, на себя в этом платье. – Я не помню, как здесь оказалась. Не помню, кто я. И... я не помню вас, лорд Ричард. Простите.

Он замер, глядя на меня с таким выражением, в котором смешались тревога, боль и нежность. Я ждала, что он рассердится, начнёт кричать, вызовет врача, обвинит меня в обмане. Но он сделал только одно: медленно подошёл ко мне, взял мою руку и поднёс к своим губам. Поцелуй был лёгким, едва ощутимым, но от него по моей руке побежали мурашки.

– Бедная моя, – сказал он, отпуская мою руку, но не отводя взгляда. – Как же тебе, должно быть, страшно.

Я сглотнула. Страшно? Да, было страшно. Но сейчас, глядя в его серые глаза, я чувствовала не только страх. Было что-то ещё. Что-то тёплое, что расплзалось по груди, как весенний ручей по первому льду.

– Расскажите мне, – попросила я. – Расскажите всё. Кто я? Кто вы? Что нас связывает?

Он кивнул, отошёл к дивану и жестом пригласил меня сесть. Я опустилась на мягкие подушки, он сел напротив, в кресло, и некоторое время молча смотрел на меня, словно проверял, действительно ли я здесь.

– Твоё имя Амелия Эшвуд, – начал он. – Ты вдова. Твой муж, лорд Эшвуд, скончался четыре года назад. Вы были женаты недолго, и... – он запнулся, подбирая слова, – детей у вас не было.

Я слушала, стараясь запомнить каждое слово.

– По законам нашей империи, – продолжил он, – вдова, не имеющая наследников, должна вступить в повторный брак в течение пяти лет после смерти супруга. Иначе все земли и титулы переходят к дальним родственникам, а женщина лишается права на опеку над поместьем.

– То есть я должна выйти замуж, – сказала я тихо.

– Да, – он кивнул. – Мы встретились на балу у герцога Веллингтона. Это было... – он улыбнулся, и в его глазах зажглись тёплые искры, – это было восемь месяцев назад. Ты была в платье цвета лаванды, с жемчужной диадемой в волосах. Я танцевал с тобой весь вечер, а

потом мы вышли в сад, и ты сказала, что ненавидишь балы, потому что от них всегда болит голова. Я засмеялся, а ты обиделась. А потом мы снова засмеялись – уже вместе.

Он рассказывал так живо, так легко, что я почти видела эту картину: летний вечер, запах роз, смех, кружение в вальсе. Моё сердце билось чаще, хотя я понимала, что всё это происходило не со мной.

– Мы полюбили друг друга, – сказал он просто. – Я просил твоей руки, и ты согласилась. Свадьба назначена через три недели. Всё уже готово.

Он замолчал и посмотрел на меня с лёгкой тревогой.

– Тебе, должно быть, сейчас очень тяжело, – добавил он. – Не помнить ни меня, ни нашей любви, ни даже себя в этом доме. Но я обещаю: я помогу тебе. Я расскажу всё, что ты захочешь узнать. И если нужно, позову лучших врачей. А если ты хочешь отложить свадьбу – я пойму.

Он сказал это так искренне, что у меня защемило в глазах. Я опустила взгляд на свои руки, лежащие на коленях. Полные, мягкие руки, которые никогда не держали ничего тяжелее кассового аппарата. И вдруг я подумала: а что, если это не розыгрыш? Что, если это какой-то странный, необъяснимый дар? Второй шанс?

Я подняла голову и встретила с ним взглядом.

– Лорд Ричард, – сказала я. – Я ничего не помню. Я не помню, любила ли я вас. Но я вижу, что вы... вы кажетесь мне хорошим человеком. И я благодарна вам за то, что вы не сердитесь и не требуете от меня того, чего я не могу дать.

Он покачал головой.

– Я не могу сердиться на тебя, Амелия. Я слишком долго ждал твоего возвращения, чтобы тратить время на гнев.

Он встал, подошёл к окну и посмотрел на парк. Солнце освещало его профиль, делая черты лица ещё более чёткими.

– Ты говорила, что любишь этот сад, – сказал он задумчиво. – Особенно розы. Говорила, что их цвет напоминает тебе о закатах в детстве.

Я молчала. Я понятия не имела, какой у меня был детство у этой Амелии. Моё детство прошло в посёлке, где розы росли только у бабы Нюры у забора, и они были мелкими, бледно-розовыми, совсем не похожими на эти роскошные кусты за окном.

– Я покажу тебе всё, – обернулся он ко мне. – Медленно, по частям. Твою комнату, твои любимые места, твои привычки. Может быть, память вернётся.

Он подошёл ко мне и протянул руку. Я смотрела на его ладонь – широкую, с длинными пальцами, с простым серебряным кольцом на мизинце. Рука человека, который привык принимать решения.

– Вы верите, что память может вернуться? – спросила я.

Он улыбнулся той улыбкой, от которой у меня снова перехватило дыхание.

– Я верю в чудеса, Амелия. Иначе как объяснить, что ты, самая прекрасная женщина из всех, кого я знаю, согласилась стать моей женой?

Я медленно вложила свою ладонь в его. Пальцы сомкнулись, и меня накрыло волной тепла. Его рука была сухой, твёрдой и такой надёжной, что мне вдруг захотелось заплакать. От облегчения. От нежности. От этого невероятного, необъяснимого чувства защищённости, которого я не испытывала, кажется, никогда в жизни.

– Тогда покажите мне, – сказала я, и в моём голосе прозвучала робкая, почти детская просьба. – Покажите мне всё, лорд Ричард. Я хочу узнать, кем я была. И... может быть, понять, кем я могу стать.

Он сжал мою руку чуть крепче, и в его глазах зажглось что-то тёплое, обнадеживающее.

– Ричард, – поправил он мягко. – Просто Ричард. Мы ведь жених и невеста, Амелия. Даже если ты этого не помнишь.

Я посмотрела на нашу соединённую руки, потом снова на него. Красивый, добрый, нежный. Жених. Тот, кого я никогда не видела, но который смотрел на меня так, словно я была самым ценным сокровищем в его жизни.

– Хорошо, Ричард, – сказала я, и это имя прозвучало на моих губах непривычно, но сладко. – Я буду стараться. Обещаю.

Он поднёс мою руку к губам и поцеловал, не отводя глаз. А я стояла и думала о том, что если это сон, то я не хочу просыпаться. Никогда.

Глава 4

Мы вышли в сад через высокие стеклянные двери гостиной, и я сразу зажмурилась – солнце ударило в глаза, тёплое, июльское, совсем не похожее на тот вчерашний дождь, под который я засыпала в своей маленькой квартирке. Когда я снова открыла глаза, мир вокруг казался выцветшим от избытка красок.

Воздух был густым и сладким. Пахло розами, мокрой от утренней росы травой и ещё чем-то неуловимым – может быть, нагретой корой старых лип, которые росли вдоль аллеи. Где-то в кустах заливалась птица, и её трели разбивались о мраморные статуи, рассыпаясь на сотню серебряных осколков.

Ричард шёл рядом, и я чувствовала его присутствие всем телом. Он не держал меня за руку – мы просто шли рядом, иногда почти касаясь плечами, и каждый раз, когда это случалось, меня пробивала лёгкая дрожь.

– Здесь всё осталось по-прежнему, – сказал он, оглядываясь. – Я боялся, что за время твоего отсутствия сад одичает. Но, кажется, твой садовник знает своё дело.

Я посмотрела на идеально подстриженные кусты, на дорожки, посыпанные мелким гравием, который приятно хрустел под нашими ногами. Ни одного сорняка, ни одной поломанной ветки.

– Красиво, – сказала я тихо. Это было единственное слово, которое пришло мне в голову. Ричард усмехнулся.

– Ты всегда говорила, что это самое красивое место в твоём замке. Помню, как ты впервые показала мне эту аллею. Была осень, листья уже опали, и ты сказала, что сад похож на спящего зверя – кажется мёртвым, но внутри всё живёт и ждёт весны.

Я попыталась представить себя на его месте – ту Амелию, которая знала этот сад, любила его, говорила такие красивые слова. У меня в голове была только моя жизнь: посёлок, серые заборы, чахлые кусты сирени у подъезда и вечно мокрые качели во дворе.

– А здесь, – Ричард свернул на боковую дорожку, обсаженную низкими кустами, – твоя любимая беседка.

Я увидела её не сразу. Беседка пряталась за густыми зарослями жимолости, и только когда мы обогнули куст, она открылась взгляду – вся белая, резная, с изящными колоннами и куполом, по которому вился дикий виноград. Внутри стояла скамья, на спинке которой кто-то забыл кружевную шаль.

– Я часто оставляю здесь вещи, – смутился Ричард. – Прихожу, сижу, думаю о тебе. И забываю.

Он подошёл к скамье, взял шаль и, помедлив, протянул её мне.

– Это твоя. Ты забыла её здесь перед отъездом.

Я взяла шаль. Кружево было невесомым, пахло деревом и, кажется, тем же парфюмом, который я чувствовала в своей спальне – лилии и ваниль.

– Красивая, – повторила я, не зная, что ещё добавить.

– На тебе она была ещё красивее, – ответил Ричард, и в его голосе послышалась лёгкая хрипотца.

Я отвела взгляд, смутившись. Мы вышли из беседки и пошли дальше, к фонтану. Вода в нём переливалась на солнце, и мелкие брызги долетали до нас, охлаждая разгорячённые лица. Я остановилась у края бассейна и посмотрела в воду – там, на дне, поблёскивали монеты.

– Здесь бросают монеты на удачу? – спросила я.

– Только ты, – улыбнулся Ричард. – Ты говорила, что это твой маленький ритуал. Каждый раз, когда приходишь к фонтану, бросаешь монету и загадываешь желание. Я никогда не спрашивал, какое.

Я посмотрела на него. Солнце стояло у него за спиной, и его волосы отливали медью, а глаза стали светлыми-светлыми, почти прозрачными.

– А если бы спросили? – тихо спросила я.

Он пожал плечами, но в его улыбке промелькнуло что-то мальчишеское, почти застенчивое.

– Ты бы не сказала. Говорила, что желания нельзя проговаривать вслух, иначе они не сбудутся.

Я опустила бы руку в карман, но в этом платье не было карманов, конечно, откуда. Но мне вдруг ужасно захотелось бросить монету. Просто так. На удачу. Чтобы этот день не кончился, чтобы солнце не садилось, чтобы этот красивый, добрый мужчина продолжал смотреть на меня так, будто я – чудо.

Мы обошли фонтан и углубились в розарий. Здесь было царство цвета и запаха. Кусты росли ярусами – низкие, с мелкими бутонами, и высокие, почти в мой рост, с огромными махровыми цветами. Розы были всех оттенков, какие только можно вообразить: нежно-кремовые, розовые, будто вымазанные утренней зарёй, густо-бордовые, почти чёрные в тени, и солнечно-жёлтые, которые горели на солнце, как маленькие светильники.

Ричард сорвал одну – кремовую, с тугим бутонем, который только начал распускаться, – и протянул мне.

– Ты любишь такие, – сказал он. – Сказала однажды, что они похожи на рассвет.

Я взяла розу. Стебель был без шипов – он, видимо, заранее срезал их, потому что знал, что я, та Амелия, не любила колоться. Я поднесла цветок к лицу и вдохнула запах – тонкий, чуть сладковатый, с горчинкой.

– Спасибо, – прошептала я.

Мы шли по розарию медленно, и Ричард рассказывал. О том, как я сама выбирала сорта, как спорила с садовником, настаивая на своих любимых оттенках. О том, как мы однажды гуляли здесь вечером, и я наступила на грабли, забытые кем-то на дорожке, и мы оба смеялись потом полчаса, сидя прямо на траве. О том, как я сказала, что хочу, чтобы в день свадьбы весь розарий был срезан и украшал замок, и он, Ричард, уже договорился с садовником об этом.

Я слушала и не могла надышаться. Не только розами – всем этим воздухом, напоённым летом и теплом, этим голосом, который рассказывал мне о моей собственной жизни, как о прекрасной сказке. Мне казалось, что если я сделаю глубокий вдох, то смогу вдохнуть и ту Амелию – её память, её чувства, её любовь к этому саду и к этому мужчине.

– Ты устала? – спросил Ричард, заметив, что я замедлила шаг.

– Немного, – призналась я.

И это была правда – не от ходьбы, а от впечатлений. Моя голова шла кругом от всего, что я увидела и услышала за этот день.

– Там, в конце аллеи, есть скамья, – он кивнул вперёд. – Твоё любимое место. Сидишь там, смотришь на закат. Хочешь, посидим?

Я кивнула. Мы дошли до скамьи – простой деревянной, без всяких украшений, стоявшей на небольшом пригорке. Отсюда действительно открывался вид на весь сад: на ровные ряды розовых кустов, на фонтан, сверкающий на солнце, на старые липы, за которыми виднелась крыша замка.

Мы сели. Ричард положил руку на спинку скамьи, почти касаясь моего плеча, но не прикасаясь. Я сидела, держа на коленях розу, и смотрела вдаль.

– Ричард, – сказала я после долгого молчания.

– Да?

– А что, если память не вернётся? – спросила я, глядя на цветы. – Что, если я никогда не вспомню ни этот сад, ни нашу встречу на балу, ни... ни то, что чувствовала к вам?

Он помолчал. Ветер донёс запах роз, и я услышала, как где-то в кустах зашуршал ёжик или птица.

– Знаешь, – сказал он наконец, – я думаю, что память – это не только то, что хранится в голове. Это ещё и то, что чувствует сердце. Твоё сердце помнит, Амелия. Может быть, не сейчас, но когда-нибудь оно вспомнит. А если нет – ничего страшного.

Он повернулся ко мне, и я увидела, как солнце играет в его глазах, делая их тёплыми и живыми.

– Мы создадим новые воспоминания, – сказал он. – Я покажу тебе этот сад заново. Мы вместе бросим монету в фонтан. Я снова расскажу тебе, как мы встретились на балу, и ты будешь смеяться, потому что я непременно перевру детали. А если ты никогда не вспомнишь ту Амелию, которая была до... – он запнулся, подбирая слово, – до твоего падения, то мы просто познакомимся заново. Я буду ухаживать за тобой, как полагается, приглашу на танец, подарю цветы. И, может быть, ты снова полюбишь меня.

Он говорил это так спокойно, так уверенно, что у меня защемило в глазах. Я опустила голову, пряча слёзы, которые никак не хотели быть слезами горя – только слезами облегчения и ещё чего-то, чему я пока боялась дать имя.

– Вы странный, лорд Ричард, – сказала я, шмыгнув носом.

– Ричард, – поправил он мягко.

– Ричард, – повторила я, и это имя прозвучало уже легче, привычнее. – Вы странный. Другой на вашем месте давно бы вызвал лекарей, устроил скандал, потребовал вернуть приданое или что там полагается в таких случаях. А вы говорите о том, что мы просто познакомимся заново.

Он тихо засмеялся, и его смех разлился по саду, смешиваясь с птичьими трелями и шелестом листьев.

– Я уже получил самое большое приданое, какое только можно вообразить, – сказал он. – Твоё согласие. А всё остальное – дело наживное.

Я подняла голову и встретилась с ним взглядом. Он смотрел на меня серьёзно, но в уголках его губ пряталась улыбка. И в этот момент я поняла, что не хочу, чтобы этот день заканчивался. Я не хочу возвращаться в свою спальню, закрывать глаза и рисковать проснуться там, где нет этого сада, этих роз, этого мужчины.

– Расскажите мне ещё что-нибудь, – попросила я. – Обо мне. О нас. Я хочу знать всё.

Он откинулся на спинку скамьи и заговорил. О том, как я не умею танцевать вальс, потому что вечно путаю ноги, и как он учил меня на заднем дворе замка, под аккомпанемент сверчка, потому что я стеснялась танцевать при слугах. О том, как я обожаю шоколадное суфле, которое готовит только повар Герберт, и как я однажды съела его целых три порции, а потом делала вид, что ничего не было. О том, как я боюсь грозы и прячусь в библиотеке, забираясь в самое глубокое кресло с ногами.

Я слушала, и передо мной постепенно складывался образ женщины, которой я теперь была. Капризной, смешной, нежной, любящей сладкое и боящейся грозы. Женщины, которая умела смеяться над собой, спорить с садовником и забывать шали в беседках.

Женщины, которую этот красивый, добрый мужчина любил всем сердцем.

Солнце начало клониться к закату, и сад окрасился в золотисто-розовые тона. Розы стали ещё ярче, фонтан заиграл всеми цветами радуги, а далёкие шпили замка засветились, словно были сделаны из чистого света.

– Нам пора, – сказал Ричард нехотя. – Скоро ужин, и ты, наверное, устала.

Я не хотела уходить. Мне казалось, что если я сейчас встану со скамьи, этот день закончится, и я снова окажусь одна в своей комнате, где нет ничего, кроме тишины и вопросов, на которые у меня нет ответов.

– Ричард, – сказала я, прежде чем успела подумать.

– Да?

– Вы приедете завтра?

Он посмотрел на меня, и его лицо осветилось такой искренней, такой светлой улыбкой, что моё сердце сделало кульбит.

– А ты хочешь, чтобы я приехал? – спросил он, хотя, кажется, знал ответ.

Я кивнула, чувствуя, как щёки заливают румянец.

– Тогда я приеду, – сказал он просто. – И каждый день буду приезжать, пока ты не скажешь мне, чтобы я уехал.

Он поднялся и протянул мне руку. Я взяла её, и он помог мне встать – легко, бережно, словно я была хрупкой статуэткой. Мы пошли обратно к замку, и я несла в руке кремовую розу, которая за день чуть-чуть распустилась, открывая миру свои нежные лепестки.

У дверей гостиной Ричард остановился. Он посмотрел на меня, на розу в моей руке, и тихо сказал:

– Спокойной ночи, Амелия.

– Спокойной ночи, – ответила я.

Он сделал шаг назад, но не уходил. Я тоже стояла на месте, не в силах разорвать эту нить, которая протянулась между нами за сегодняшний день.

– Ричард, – окликнула я его, когда он уже почти повернулся.

Он обернулся.

– Спасибо вам, – сказала я. – За сегодня. За... за то, что вы есть.

Он улыбнулся той своей улыбкой, от которой у меня перехватывало дыхание, и ответил:

– Это тебе спасибо, Амелия. За то, что ты есть.

Он ушёл, а я осталась стоять в дверях, прижимая к груди розу. Закатное солнце освещало сад, и последние лучи его золотили лепестки цветов, превращая обычный вечер в нечто волшебное.

Я поднялась к себе, и Линда с Милой хлопотали вокруг меня, помогая раздеться, расчёсывая волосы, готовя ко сну. Но я почти не замечала их. Я сидела у окна в своей огромной спальне, смотрела на темнеющий сад и держала в руке кремовую розу.

За окном уже не было дождя. Был тёплый летний вечер, полный звёзд и запаха цветов. И мне казалось, что если я сейчас закрою глаза, то не проснусь в своей маленькой квартирке, а останусь здесь. В этом сне. В этой сказке.

Я легла в огромную кровать, утопая в шёлковых простынях, и положила розу рядом с подушкой. Её запах смешивался с ароматом лилий, и я засыпала с улыбкой на губах, впервые за долгое время чувствуя, что завтрашний день не пугает меня.

Завтра снова будет солнце. И сад. И Ричард.

А всё остальное – когда-нибудь потом.

Глава 5

Я заснула с розой на подушке. Её запах – нежный, чуть горьковатый – был последним, что я почувствовала, проваливаясь в глубокий, мягкий сон. Шёлковые простыни обнимали меня, как облака, и я улыбалась во сне, сама не зная чему.

А потом мне приснился сон.

Я стояла на пороге знакомой беседки, той самой, что пряталась за жимолостью, но сейчас она была вся увита плющом и цветущими розами. Вместо старой скамьи внутри стоял маленький столик, накрытый кружевной скатертью, а на нём – две чашки и заварочный чайник, от которого поднимался пар. Я смотрела на это утро в саду и чувствовала, как солнце греет мои плечи, как ветер играет с лёгкой тканью платья, и как что-то тёплое, тяжёлое и бесконечно родное прижимается к моим ногам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.